

A portrait of a man with dark, curly hair and a mustache, wearing a light blue button-down shirt. The background is a plain, light blue wall. The text is overlaid on the image.

Анатолий Агарков

РАСТЯПА

*ВИЗИТ НА ГРЕШНУЮ
ЗЕМЛЮ*

Электронная версия

Анатолий Агарков

Растяпа. Визит на грешную землю

«Автор»

2023

Агарков А.

Растяпа. Визит на грешную землю / А. Агарков — «Автор», 2023

Судьба давала мне шансы где-нибудь в чем-нибудь отличиться – грех жаловаться. Я мог бы: - остаться мичманом в погранфлоте и служить на Ханке; - сделать карьеру профсоюзного деятеля в ЧПИ; - выйти на Станкомаше в большие начальники; - стать профессиональным журналистом; - втереться в партийную номенклатуру; - замутировать собственный бизнес... Но, увы. Старость, пенсия, одиночество – итог жизни. Даже жилья нет собственного. И кто я после этого? Вот-вот... Но грех жаловаться – жизнь прожита замечательная! В этом Вы сейчас сами убедитесь...

© Агарков А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1	6
2	17
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анатолий Агарков

Растяпа. Визит на грешную землю

*Нет ни единого штриха
в любом рисунке поведения,
чтоб не таил в себе греха
для постороннего суждения.
/И. Губерман/*

1

Как вы считаете – из дурного поступка может получиться добро?

Мой ответ таков – ничто индивидуальное не может быть совершенным, поскольку нет абсолютных зла и добра. Каждый живущий на этом свете бьется исключительно за свое счастье, и лишь в результате коллективных усилий мы получаем то, что имеем – прогресс человечества по всем направлениям: от духовного, до технического. Даже Гитлер – будь он четырежды проклят! – внес свою лепту в развитие нашей цивилизации и остался в памяти навсегда. Творя добро или зло, мы вносим свою долю в общее дело.

Однажды я понял, что существует общечеловеческий разум, расколотый на миллиарды фрагментов. Что бы ни делали мы, о чем бы ни думали – все есть продукт его жизнедеятельности. Книги, картины, архитектурные памятники... но наиболее полное представление этой мысли дает всемирная паутина. Интернет – сосредоточие человеческих знаний.

По всей вероятности, разумная жизнь – это явление уникальное, иначе в бесконечной Вселенной существовали бы и другие цивилизации. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в обозримом пространстве мы одиноки и, следовательно, должны сами распоряжаться собой, как умеем. Не стоит надеяться на чудо от придуманного Всевышнего. Вместо этого надо, не теряя времени, развивать технологии, двигать науку и с их помощью обезопасить человечество от бесследного исчезновения в катаклизмах.

Принимая Вселенную такой, как она есть, мы воистину становимся её неотъемлемой частью и не можем вкупе своей прекратить существование, пока она существует. Пусть человечество однажды погибнет по какой-то своей или вселенской ошибке, но если останутся условия – жизнь возродится! Не следует проводить грань между бытием и небытием, между живой и мертвой материей – все это нити единой и вечной ткани. Это объективно. Но субъективно – без нас Вселенная существовать не может: она отражается в чувствах наших и разуме. И потому нет более правильной Веры, кроме Веры в себя самого – неповторимого и самодостаточного.

Смерть – движущая сила эволюции; рычаг её – страх перед ней. Она неумолима и неизбежна. Она уравнивает в правах и власть имущих, и самых нищих – всяк плачет, к кому поступалась кончина в дверь. Все мы смертны, но человечество будет жить вечно! Вроде бы, утешает. Но тем не менее, есть одна вещь, которую следует исправить. Никто из рвущихся к власти не желает её делить. Они готовы жизнью пожертвовать за призрачное счастье видеть других склоненными у своих ног. «Ловите мгновение!» – их боевой клич.

Вот об этом и поговорим...

Был яркий солнечный день конца весны. Уже расцвели в садах сирень и черемуха, благоухающий аромат которых кружил голову. Я только что сбегал в лес, шел по улице к дому, дыша полной грудью запахом многоцветья, как вдруг резкая боль пронзила сердце. Я остро почувствовал свое вселенское одиночество. Все-все ушло куда-то прочь – мир замкнулся на дом, огород, компьютер и утренние пробежки. Многообразная живая жизнь проходит где-то рядом, не касаясь меня. Наверное впервые за последние пару лет ощутил тоску по живым людям, производственным отношениям, по корпоративным вечеринкам... и прочая-прочая-прочая. Мне захотелось жить, как все, и ходить каждый день на работу.

Почему-то это чувство (мысль?) возникла не на Тропе Мудрости, а на улице – в двух шагах от дома. Разом обрушилась и прихватила сердце. Робинзон захотел вернуться на Родину. Тысячи мозаичных впечатлений, передающих неизмеримое богатство сущности жизни в обществе хлынули в мозг из всех закоулков памяти.

Я вдруг почувствовал – так больше жить нельзя: пора менять свою жизнь. Хватит просиживать в размышлениях и философских дискуссиях с самим собой. Не буду отрицать, что

метафизические темы мне по вкусу, и я принадлежу к людям, для которых мир – предмет абстрактного осмысления, а потому события для меня менее существенны, чем мысль. Но, в конце концов, кто мне мешает ночью зарабатывать деньги, а днем трудиться на производстве, увеличивая свой пенсионный стаж и багаж впечатлений, который пластами отлагается в памяти? Одна только постоянная виртуальность больше не удовлетворяет – нужен настоящий реальный экшен. И еще: выйдя в люди, познакомлюсь с женщиной и, может быть, снова буду счастлив...

Эта мысль перевесила все. Реальность или ничто!

И я помнил еще одно – кажется, из римского эпоса: самые лучшие военачальники сами выбирают момент для атаки, а плохих вынуждают обстоятельства, подобно кораблям, застигнутым штормом. Не стоит ждать у моря погоды...

После завтрака отправился в районный центр занятости населения подыскать себе работу. Здесь прямо в фойе на стенах списки вакансий – требуются-требуются-требуются... Бог мой! Кто говорил, что у нас безработица? Я бы хоть куда трудиться пошел – пусть меня научат...

Побежал глазами по очередному списку... Ага, вот! Увельскому коммунальному хозяйству требуется начальник базы. Возможно, на эту должность мне и учиться не надо. Что за обязанности у него, с которыми я не мог бы справиться? Людей озадачивать? Да ради Бога, если меня самого озадачат. Вести табель учета рабочих смен? Дело знакомое по «Станкомашу». Инструктаж по технике безопасности? Не проблема. Да не тем ли самым я занимался в котельной «Восточная»?

Складывалось впечатление, что коммунальное хозяйство поселка Увельского давно и именно меня поджидает. Ну что ж... Документы с собой. Желание есть, вакансия тоже... Отправлюсь-ка я, ребята, в комхоз.

Ждали меня не очень давно. Начальница отдела кадров (она же секретарша в закутке вместо приемной и одноклассница моей бывшей жены Тамары) рассказала:

– Был у нас до вас начальник базы – молодой... инженер. Но жена от него сбежала. Следом он исчез. Я имею ввиду с работы. Ничего не сказал, ничего не написал, не отпросился – взял и пропал, поехав за ней. Теперь его всяко разное уволят по статье. А начальник базы нужен – пишите заявление. Директор подпишет – я вас оформлю. С собой трудовая книжка?

Взглянув на большой пробел в моей трудовой биографии, спросила:

– Где же вы были?

– На себя работал.

– Разорились? Понятно. Теперь многие от бизнеса шарахаются – ищут места, где присосаться.

– У меня другое – надоело сидеть дома за компьютером, – устало ответил.

– Программы пишите?

– Боже меня сохрани! Рекламу делаю товарам.

– Бросите свое занятие, если вас примут к нам?

– А ночи на что?

– Вы собираетесь спать на работе?

Я плечами пожал:

– Собираюсь работу работать.

Потом написал заявление и ушел домой, пообещав:

– Завтра приду за результатом.

Довольный и умиротворенный свершенными делами, пообедав, прилег на диван и тут же уснул.

Три часа ночи. Светает, но все за окном скрывалось в призрачной дымке, словно мир оказался внутри перламутровой раковины. Соседние дома терялись в струящемся тумане. Капли влаги скопились на листьях вишни в саду.

Горячий кофе не взбудрил – какое-то наваждение овладело мной, поднявшись со дна души, как вязкий болотный ил. Неважное состояние. Но работать надо. С сегодняшнего дня у меня, вполне вероятно, забот прибавится.

Когда, выключив компьютер, вышел на пробежку, солнце заливало лучами всю округу, обнаружив бесчисленное множество сверкающих бриллиантов в траве. Но над остатками Займища еще видны были островки тумана – должно быть, над чистой водой плёсов. Далекий бор плыл над землей.

Внезапно меня охватила беспричинная радость. Казалось, что все получится у меня в комхозе, как в интернете. Умный человек сладит со всем. И любую работу можно полюбить, если себя в ней найти. Самочувствие тридцатилетнего в свои неполные пятьдесят два. И нет толку из-за этого переживать. Пора идти в комхоз, чтобы узнать – приняли меня на работу или нет?

После завтрака и отправился, тщательно сохраняя безразличие.

В закутке-приемной вчерашняя секретарша говорит:

– Зайдите к директору. Она хочет с вами поговорить.

Захожу, здороваюсь, представляюсь. Со вкусом одетая и располневшая женщина, в прошлом красавица, говорит:

– Мне нужен начальник базы, который в специфике нашей работы разбирается – котельная, прачечная, автобаза, механическая мастерская... короче, база есть база.

– Я работал начальником Восточной котельной, когда мы её забрали у «Челябоблкомунэнерго». Начинать с нуля, а потом появилось всё – бригады слесарей-ремонтников, электриков, строителей, столярная и авторемонтная мастерские... короче, все кроме прачки.

Директор Увельского комхоза Елена Владимировна Замышляева мне кивает:

– То, что надо. А с прачкой по ходу разберешься.

Подписав заявление мне протягивает:

– Иди, оформляйся...

Оформив меня, секретарша-начальница ОК советует:

– Найди Белова – он тебе все объяснит.

Владимир Михайлович – главный инженер комхоза и мой сосед по Бугру. Мы с ним познакомились через зятя еще в русско-японскую войну или даже немного раньше (шучу). Изредка бывая у него дома, всегда заставлял Володю с книгой – он читает их запоем. У самого была собрана приличная библиотека, и перехватывал везде, где только мог, то, что еще не читал. Не берусь судить, насколько беллетристика повышала его интеллект, но кроссворды и сканворды он щелкал не хуже орешков арахиса.

При встрече в новых ипостасях он мне без церемоний – «Толя», я ему – «Владимир Михайлович». Ступая вслед за главным инженером, побывал в токарной мастерской, боксах гаража, в котельной, где никого не застали...

И, наконец, прачечная – вот тут меня ждал первый сюрприз. Ступая по длинным пустым столам, развешивала мокрое постельное белье на просушку красивая девица в короткой юбчонке и ослепительными для мужского взгляда обнаженными бедрами... Она так увлеклась своей работой, что не сразу заметила две пары глаз, с удовольствием взирающих на её прелести.

– Натаха! – улыбнулся Белов. – Твой новый начальник.

Ничуть не смутившись, она поглядела на меня сверху и заключила:

– Годится.

– На что? – пошло язвит Белов.

– Сколько вам лет? – спрашивает Наталья, проигнорировав вопрос и намек главного инженера.

– Пятьдесят два.

– В принципе, еще не старый. Волосы только седые, а на лице морщин мало.

Это правда. Но иногда я чувствую себя глубоким старцем – и сейчас, под её насмешливым взглядом, больше, чем когда-либо.

Потом девушка наклоняется к куче белья на столе и открывает нашим глазам еще более потрясающее зрелище женских достоинств. Мы с Беловым палимся на неё, как два придурка, у которых не все дома. Так продолжается до тех пор, пока все постиранные полотенца и простыни с наволочками не оказались на проволоке.

Наталья прыгает со стола и идет в машинный зал, где у неё крутится белье с мыльной водой ещё в одном барабане. Белов смотрит ей вслед и морщится – будто пробует на вкус что-то, что ему не нравится.

Мы выходим на широкий двор комхоза.

– И это все мое хозяйство? – спрашиваю.

Главный инженер собирается что-то ответить, но я добавляю:

– Если ты мне подскажешь, за чем смотреть пуще всего, может, тогда лучше справлюсь.

– Смотри, чтобы не пили, – говорит он. – Этого тебе достаточно. А работу свою они сами знают. И особо не лайся: искусан будешь – вон Натахе палец в рот не клади. А если сама будет шуметь, не обращай внимания.

И я о ней думаю – слишком уж хороша прачка молодая... до еще с такими манерами. Трудно будет устоять, вздумай она меня очаровывать. Впрочем, очень даже может быть, что она слегка не в своем уме – девушки с такими прелестями не стирают больничное белье. Сколько же она зарабатывает, если у начальника базы всего семь тысяч рублей оклад? Что-то не так...

Белов приводит меня в свой кабинет – там два стола.

– Занимай. Это твой, – кивает он на один.

Я сажусь и начинаю разбирать содержимое ящиков. Там черте что, но я уже полон энтузиазма. Перебирая весь этот хлам – что-то обратно, а что-то и в урну – поглядываю на главного инженера. До сих пор отношения наши были приятельскими. Но жизнь производственная держится на непредвиденных мелочах и плохо признает кумовство. Возможно, очень скоро дружба наша переменится не в лучшую сторону. Ведь там, где присутствует оклад, дисциплина труда зиждется лишь на оре – и как правило, начальников на подчиненных.

Если Белов будет на меня кричать, сколько стерплю – столько стерплю, а потом уйду. В конце концов, я наемный работник, а не раб. Мое будущее, как и жизнь производственная, зависит от непредвиденных мелочей.

Вторым из моих подчиненных, с кем познакомился в первый день, был сварщик Иван Степанович. Он старше меня и к тому же наделен разумной предусмотрительностью – мне в большинстве случаев приходилось соглашаться с его доводами. Это был добродушный мужик, наивный и доверчивый, с припадками совершенно необъяснимого упрямства. Он уже потерял зрение на производственной почве и потому только резал метал да сваривал простейшие швы – к серьезным операциям не подступал.

Пришел Степаныч в кабинет Белова в восторженном настроении – со мной знакомиться. Выглядел бодрячком, но с запашком перегара. Показалось, он наведалься прощупать почву – а не будет ли проставы по поводу вступления в должность? Но вслух не озвучил. Белова пытался подзадорить. Но Владимир Михайлович, видимо, привыкший к его шуткам, угрюмо молчал. Однако на кружку чая сварщик главного инженера таки раскрутил. Видимо, авторитет у народа не дается даром...

От чая Степаныча чуточку развезло. Он стал хвастать своими успехами в пьяных драках:

– Мы на этот счет простоваты.

Не знаю, как насчет мордобоя, но вот собак – цепных, злых-презлых – он действительно не боялся. Они от него шарахались – может быть, испугавшись дурного запаха перегара. В сущности он не был злым или отчаянным человеком – просто порой накатывала на него детская шаловливость.

И этот же самый Иван Степанович поучал меня, как держать дисциплину в трудовом коллективе:

– Каждый подчиненный человек непременно должен бояться начальства. Я, к примеру, тебя. Ты – Белова. Михалыч нашей Шахини-Крокодилицы... Тот, на чьей стороне власть, всегда остается безнаказанным. Вот и вся музыка в комхозе.

Шахиня пойдет, но почему Крокодилица? Елена Владимировна мне показалась очень даже симпатичной женщиной.

Когда Степаныч ушел, главный инженер высказал свое мнение о нем:

– Какой-то несообразный человек. Ты не бойся его, но держись подальше.

Ближе к шести вечера я пришел с работы домой, ощущая легкую, вполне объяснимую усталость. Еще кажется икры немного судорогой сводит, но это и раньше бывало от долгого напряженного состояния нервной системы. Главное – я уже не чувствовал себя одиноким, как это было вчерашним утром. Мне как будто бы полегчало. Во всяком случае, неизвестности больше нет. И мама очень довольна, что её сын стал ходить на работу, как все нормальные люди.

Полужинав, прилег на диван и тут же задремал, вполне отдавая себе отчет, что еще грядки в огороде надо полить. Через час проснулся, будто кто меня в бок толкнул. Встал, умылся, в зеркало на себя глянул. Несмотря на загар, явственно проглядывала усталость. Левый глаз красный – с чего бы? Кажется, лоб стал выше – но не потому что поумнел, а просто начал лысеть. М-да... А Натаха считает меня пригодным – только вот для чего?

Не успел выйти в огород, позвонила сестра – она уже в курсе моих перемен.

– Просто хотела узнать, как все прошло. Тебя приняли?

– Да.

– Начальником в котельную?

– В том числе. Я – начальник базы. Там и гараж, и прачка, и котельная...

– Братик, а тебе не нужен туда оператор газовых котлов?

– Еще не знаю. Еще не видел никого из котельщиков. Стоит открытой, а народа нет.

Бардак, одним словом, комхозовский.

– Разберешься и, если нужен будет оператор, возьмешь меня?

– Обещаю.

– У тебя голос расстроенный.

– Так оно и есть – первый день на работе, впечатлений много... Что узнаю, я тебе сообщу.

Спасибо, что позвонила.

– Как там мама?

– Сидит на лавочке.

– Мы завтра подъедем с Вовой рассаду высаживать.

– Ну, тогда до завтра.

Полил грядки. Пожарил картошки, накрошив туда колбасы вареной, позвал маму ужинать. Потом вечеряли у телевизора. Долго лежал в темноте и не мог заснуть. Когда наконец отрубился, было уже несколько за полночь. Снова очнулся в третьем часу. Мне всегда требовалось меньше сна, чем любому другому – так что привык бодрствовать, пока остальные спят. До рассвета «час Пикуля» за компьютером, потом пробежка к лиственницам. К восьми часам пришел на работу.

Меня предупредила секретарша: в 9-00 оперативка в кабинете директора – собираются все начальники участков и главный бухгалтер. До этого времени я все обошел, но в котельной

опять никого не нашел – нынче дверь вообще оказалась на замке. Да что же творится, черт возьми! Где мои люди? У Михалыча что ли спросить?

До оперативки просидел за своим аккуратно прибранным столом, но Белов так и не появился. Времени не тратя даром, размышлял над шкурным вопросом – самоокупаемое ли предприятие комхоз или на дотациях трепыхается? Этот вопрос повсеместно сейчас обсуждается, и российское Правительство предпринимает героические усилия по сбагриванию проблем коммунального хозяйства страны с забот казны на плечи налогоплательщиков. Где-то что-то экспериментируется. Но насколько я информирован в Увельском районе никаких мер не принимается. Вот как Шумаков Виктор Григорьевич в свою бытность первым заместителем Главы района объединил все котельные в одно предприятие, так больше подвижек никаких не осуществлялось. Воз, как говорится, и ныне там. Впрочем, нет, кое-что было – увеличили штат «Службы заказчика», переименовав его в Учреждение по Управлению Жилищно-коммунальным Хозяйством (УУ ЖКХ) и выделив ему отдельное здание в офис.

Итак, в 9-00 толпа начальников служб комхоза двинула в кабинет директора на оперативное совещание. Я в их числе.

Директор комхоза – женщина? Я помню Кожевникова Владимира Михайловича на этой должности – вот был руководитель! От Бога, можно сказать. Сам ушел или «умыли» после ухода Шумакова из власти? – сие мне не ведомо. Итак, Замышляева Елена Владимировна...

Только войдя, я сразу почувствовал к ней уважение всех присутствующих начальников служб. И в дальнейшем это впечатление подтвердилось...

Первым вопросом разобрали вопиющее нарушение трудовой дисциплины, допущенное охранником комхоза в минувшее воскресенье – он самовольно ушел со службы, бросив всю базу и свою сторожку на произвол судьбы.

– Увольнять будем? – нахмурила брови Елена Владимировна.

Вопрос проблемный. Дело в том, что парень – ветеран Афгана, награжденный медалью; не бузит, не скандалит ни с кем – ведет себя тихо и прилично; почти не пьет, но, по слухам, ширяется – привычка, вывезенная из Афгана...

– К нему опять шалава эта пришла и увела с собой, – подсказывает кто-то директору обстоятельства инцидента.

Встрепенулся начальник КНС (канализационно-насосная станция) Дмитриев:

– Вот ведь, Елена Владимировна, ситуация какая получается – все её трахают, а он любит. Как говорится, неземные чувства...

Директор вскидывает на меня взгляд:

– Начальнику базы разобраться и наказать, не увольняя.

Что и охрана в моем подчинении? Ничего себе! Вот это я влип за семь тысяч рублей...

Поговорили еще о каких-то делах. Под завязку совещания директор говорит, обращаясь ко мне:

– Сейчас возьмешь своих людей, соответствующий инструмент – лопаты, носилки – и пойдешь на улицу Кирова, к офису УУ ЖКХ. Им чернозем подвезли – разбросаете его на клумбы. Все ясно?

Все-то – все да не все... Не ясно – кто и где мои люди?

После оперативного совещания пытаю этим вопросом Белова. Он отложил свои дела.

– Пойдем со мной, – говорит.

Пришли в котельную – она оказалась открытой – нашли там одного оператора по фамилии Истомин.

– Где народ? – спрашивает Белов.

– А шут его знает, – пожимает тот плечами.

Идем по базе. В гостях у Натахи находим одного. Белов поморщился и покачал головой:

– Тевелев, ну-ка задницу оторвал и прыжками за нами.

Заходим в мастерскую. На токарном станке Борис Михайлович Родионов что-то вытачивает. Тот самый мужик с высшим педагогическим образованием, которому я, по воле Губанова, передал бразды правления котельной «Восточная». Вот снова пересеклись...

– Что делаем? – спрашивает Белов.

– Да вот, точим...

– Для себя или кто заказал?

– Да какая разница, Михалыч – разве я тебе когда отказывал?

– Закругляйся – пойдешь с ребятами.

– Куда?

– Вот наш новый начальник базы – он тебе все расскажет. Ты ведь числишься за котельной?

– Числюсь-то за котельной, но работаю здесь.

– Хватит артачиться, – хмурится главный инженер. – Сказано «закругляйся», значит выключил станок и на выход.

Все было понятно. Борьба характеров – кто кого?

Мой бывший приемник выключает станок. Наступила тягостная тишина. Борис, не спеша, снимает со шпинделя деталь, кладет её в шкафчик и закрывает дверцу на висячий замок. Вытирает ветошью руки и хлопает меня по плечу:

– Ну, пошли, коль начальник.

Заглянули еще в боксы и остановились у сторожки охранника на въезде во двор комхоза. Белов поглядел на нас с удивлением:

– Кого еще нету?

– А тот, в котельной? – напоминаю я.

Белов машет рукой:

– У него диабет – тяжелый труд противопоказан.

– А кого надо? – спрашивает Тевелев.

– Всех котельщиков.

– Так это... Мой сын устроился на лето... недавно.

– Где же он? – рычит Белов.

– Сейчас, – Тевелев исчезает в конторе и возвращается с парнем лет двадцати – рыжеволосым и густо усыпанным веснушками.

– Женя, – представляет его отец.

– Ну, вроде бы хватит, – облегченно вздыхает Белов.

– А что делать-то? – спрашивает Родионов.

– Вот ваш начальник базы. Он озадачен. Все вопросы к нему, – главный инженер уходит в контору.

Все взоры ко мне обращаются.

– Идем на склад, получаем шансовый инструмент, – команду я.

Кладовщица Любовь Васильевна по моей просьбе выдает нам носилки и две совковые лопаты.

– Что дальше? – спрашивает Борис Михайлович, ухмыляясь.

– Идем на Кировку к УУЖКХ, там объясню.

Тевелев-старший, которого, кстати, зовут Григорием Вениаминовичем, ко мне подступает:

– Начальник, ты у нас новенький и многого не догоняешь. Давай так – чтобы не было ненужной суеты, ты нам поведай, что надо сделать, а потом придешь и проверишь нашу работу.

Я посмотрел ему в глаза – разумно мужик рассуждает.

– Значит, так... – рассказал подчиненному мне коллективу о поставленной директором задаче.

Борис хмурится, Григорий улыбается:

– Всего-то делов?

Он тут же ловит тронувшийся было со двора «Белорус» с тележкой, закидывает в прицеп шансовый инструмент, сам заскакивает, объяснив трактористу, куда их надо доставить. Зовёт остальных:

– Полезайте сюда.

Я подхожу:

– Менты увидят, права отберут у несчастного тракториста. Так нельзя ездить...

Гриша мотнул головой:

– Не увидят. Мы на пол ляжем. Залезай, ребята...

Борис и Евгений лезут к нему.

– А ты, начальник?

Ну, вот еще! Буду я ездить лежа на полу в тракторном прицепе. Надо смотреть на вещи прямо и просто.

– Поезжайте, парни, я позже приду. Тут у меня еще одно дельце.

Я не забыл, что по приказу директора должен разобраться со сбежавшим с поста охранником – ветераном Афгана и жертвой любви. Проводив взглядом попыливший трактор, поднимаюсь по ступенькам в сторожку, похожую на курятник. Почему-то не оставляло чувство, что я что-то проглядел. Что-то важное, что могло помочь понять мою новую службу и её обязанности.

В сторожке охранник присутствовал. Но это не тот, который мне нужен. Василий Иванович Поспелов – бывший заведующий общим отделом Увельского райкома партии, позже директор Увельской «Сельхозхимии»... теперь, видимо, пенсионер, живущий по-соседству с комхозом и потому её охранник. Мне человек этот неприятен – давно и надолго. Откуда взялась неприязнь? Мне кажется, дело не в его послужном списке, а в человеческих качествах – райкомовская привычка смотреть на людей свысока не покинула пенсионера Поспелова. А мне плевать, кем ты был – важно, кто ты сейчас, и дело отнюдь не в чинах, а человеческих качествах...

И он словно читал мои мысли – насупился, завидев меня, и выпятил толстую нижнюю губу.

– Привет, начальник.

Я молча кивнул. Он меня видит насквозь – так к чему напрягать голосовые связки? Развернулся и вышел, решив, что с провинившимся сторожем завтра поговорю – а с этим не хочется даже общаться. Впрочем, кажется знаю где прогульщик Ромео живет – на той же Кировке, в двухэтажном доме, рядом со школой. По дороге в УУ ЖКХ двором пройду – может, и угляжу.

Пошел, прошел – не увидел.

Две клумбы под окнами офиса руководящей нами организации были ободюрены. Между ними большая куча черной, как антрацит, земли. Котельщики посредством лопат и носилок перемещали её на клумбы. Мое появление их взбодрило – но не на работу, а в разговоры.

– Анатолий, – сказал Родионов. – Ты же старый котельщик. Кто как не ты знает, как важно использовать летний период для подготовки котлов и трасс. Хочешь зимой сопли морозить от аварий и порывов? Я не хочу. Так какого хрена мы здесь торчим? Нам больше нечем заниматься?

– Замышляева приказала, – отвечаю.

– Да что она понимает в котельном производстве? А ты ей, как начальник базы, должен все популярно объяснить.

– Тяжело это, Борис Михайлович – в первый день с начальством спорить. Дай оглядеться...

– Это да, – вздыхает приемник мой бывший. – А еще Губанов говорил, что ты у нас очень скромный руководитель.

Звучит двусмысленно и подано так же – то ли Родионов имел в виду мою природную вежливость, то ли скромные результаты моего руководства коллективом.

Почувствовав напряжение в нашем диалоге, вмешивается Гриша Тевелев – кивнув на большущие окна-витрины бывшего книжного магазина, за которыми сидят и ходят, общаются в маленьких клетках-кабинетах сотрудники УУ ЖКХ, ворчит:

– У, кровососы. Для себя самих клумбы облагородить не могут. Чем жопы насиживать в кабинетах, вышли бы на субботник да поразмялись. Привыкли на чужом горбу кататься...

Это да. С этим согласны все. Нас, котельщиков, в ремонтный период гонят к черту на кулички, ненужные нам клумбы облагораживать. Потому и работаем ни шатко, ни валко. И хоть одна лопата лежит без дела – двое носят, один нагружает – я её в руки не возьму. Из принципа. И народ подгонять не буду – пусть работают от настроения.

Родионов не упускает момента:

– Эй, начальник, а ты чего стесняешься – вон лопата лежит свободная, ты без дела стоишь...

Мне не хочется спорить и оправдываться... работать тоже... впрочем, я это уже говорил. Отвечаю бывшему своему приемнику:

– Если хочешь, чтобы я ушел, просто скажи.

– Да торчи, коли делать нечего, – оттирает тыльной стороной ладони пот со лба неудавшийся педагог.

– Скажем так – я обеспечиваю технику безопасности и бездефектность труда.

– Зашибись работа, – улыбается Тевелев Женя. – Обязательно буду начальником.

Руками разводит его отец:

– Для этого надо учиться, сынок.

– Так я учусь.

– На повара.

– Ну и что? Повар не может быть начальником?

– Шеф-повар – начальник над поварами. – подсказывает Борис.

Время к обеду.

– Начальник, – спрашивает Борис. – Мы на обед пойдем, ты останешься сторожить шансовый инструмент?

– Сейчас узнаю, – говорю и направляюсь в двери офиса УУЖКХ.

Там практически никого не знаю, но на свое счастье в коридоре случайно сталкиваюсь с бывшим снабженцем ЮЗСК.

– Валерий Иванович! Вот это встреча! Вы здесь работаете или случайно?

Он кивнул:

– Ага, работаю. Нас как начали сокращать на заводе, первым делом увельских поперли.

– Надо мстить. Я слышал начальница у вас из Южноуральска – гоните в шею и будете квиты.

Валерий Иванович вздрогнул, оглянулся, снова посмотрел на меня и слабо улыбнулся:

– Чего тебе?

– Мы вон землю для вас в клумбы таскаем. Сейчас на обед пойдем. Нельзя ли шансовый инструмент у вас в коридоре пока оставить? – так сказать, под надзором. А то ведь с улицы уташат.

– Оставляйте, – говорит Валерий Иванович и уходит.

После обеда дома прилег отдохнуть – полчаса умри, но дай: голову просто сносило. Пропал час. Усталость как рукой сняло. Отправился на работу.

В конторе попал на глаза Замышляевой.

– Твой сварщик пьяный шарахается по КНС. Стой, ты куда?

– Пойду посмотрю и приструню.

– Поздно – я его уже домой отправила. Садись за стол и пиши докладную.

– Но я даже не видел его.

– Я его видела. Ты что – мне не веришь?

Воцарилось тягостное молчание. Я не мог понять – нужно ли мне слова директора воспринимать всерьез?

– Ну? – хмурится директор, меня принуждая. – О чем размышляешь?

– Не знаю. На основании чего я должен писать докладную?

– На основании моего приказа.

Я мотнул головой:

– Так и писать – на основании приказа директора пишу докладную, что сварщик...

Замышляева смотрит со злобой на меня:

– Ты мне здесь дурака не валяй. Хочешь работать пиши докладную, не хочешь – заявление на увольнение.

– Другого выбора нет и не будет, – добавляет она и уходит.

Я сажусь в кабинете за стол, кладу перед собой чистый лист, на него ручку и начинаю размышлять – что писать?

Эти три часа до конца рабочего дня были, пожалуй, самыми долгими в моей жизни. Мне казалось, что это все происходит не со мной или, во всяком случае, не наяву – словно спал, и снился мне совершенно непостижимый кошмар. Я должен написать начальству докладную о нарушении моим подчиненным трудовой дисциплины – о нарушении, свидетелем которого сам-то и не был. Что это, как не навет? Реальность хуже любого кошмара...

Много раз стучали и клеветали на меня. Но мне ни разу не доводилось. Наконец пришел мой черед. Все когда-то случается в первый раз. Надо писать, если хочу работать – прямо сказано. Только сковывали нехорошие предчувствия – стоит один раз прогнуться...

Конец рабочего дня – я уже написал докладную на сварщика Ивана Степановича, но директору не отнес: еще размышляю, сомневаясь. Тихо ступая, в кабинет входит Тевелев-старший – лицо от пота и земли в разводах грязи. Сказал, как простонал:

– Все начальник, мы пошли. Инструмент сдали...

– Всю землю перетаскали?

– Да где там – как раз до октября валандаться...

– Григорий Вениаминович, ты знаешь, где живет наш сварщик?

– Степаныч? Знаю, конечно.

– Проводишь?

– А что туда провожать? Двухэтажный дом на перекрестке улиц Советская и 30 лет ВЛКСМ.

– Это где молочная кухня?

– Как раз напротив – через дорогу. Войдешь во двор со стороны Советской – первый подъезд, первый этаж, первая дверь налево...

Я занес директору докладную и отправился к обвиняемому мною человеку каяться. В квартиру стучаться было не надо – Степаныч веселенький сидел на скамейке и посматривал на детишек в песочнице.

– Иван Степанович, я пришел к тебе просить прощения.

Тот, еще не зная, в чем дело, мгновенно ответил:

– Без бутылки ни за что не прошу.

Видно было, как его била крупная дрожь.

– Может, пива?

– Тащи – согласился он.

Я сходил в магазинчик за дорогой и приобрел две полторашки «Жигулевского». Начал было каяться об обстоятельствах, вынудивших меня написать докладную, но Степаныч прервал, ткнув своей емкостью пива в мою:

– Бум!

Я кивнул и с удовольствием стал смаковать прохладный напиток.

Засосав добрых поллитра, сварщик спросил:

– Так что случилось?

Я рассказал о своем конфузе.

– Ужас какой! Как ты, начальник, мог? – но вид Степаныча не соответствовал его словам: он улыбался, должно быть, прикалываясь.

Вот такие случаются метаморфозы на нашей грешной земле.

2

Нет у работников бюджетных организаций ничего хуже, чем получать нагоняи от вышестоящего начальства. И все равно, несмотря на то, что много раз в жизни приходилось исполнять эту жуткую роль ругаемого, привыкнуть к ней никак не мог – по мне, так лучше бы уж премии молчком лишали, если провинился в чем...

– Так значит, перечим директору? – встретил меня на следующее утро Белов упреками. – Как же тебя угораздило?

Хотя, как я уже говорил, считал своего непосредственного начальника кем-то вроде приятеля, ничего хорошего от такого начала разговора не ожидал. Сомневаясь, правильно ли он поймет меня, рассказал перипетии вчерашних событий, связанных с пьянством сварщика на рабочем месте.

– Ты что, не мог написать докладную, которую она от тебя хотела?

– Что я мог сочинить о событии, которому не был свидетелем?

– Не мог или не хотел? Пьянство, стало быть, покрываешь? Права Елена Владимировна... Ну что тут сказать? Я рукой махнул – бесполезно что-нибудь объяснять.

– Директор требует тебя наказать.

– Наказывай... Но, Владимир Михайлович, как это может быть – сварщик из моего штатного расписания работает черте где, а я ничего не знаю об этом? Ладно напился, он мог бы убиться – и тогда мне тюрьма?

Белов хмурится:

– Временно он работает на КНС.

– Тогда нужен приказ о его временном переводе и подчинении Дмитриеву – пусть тот за ним приглядывает и составляет табель. Так будет правильно и справедливо.

– Еще чего! Будем мы разводить бюрократию! Все вы, бывшие партийные работники – большие любители строчить циркуляры.

– Владимир Михайлович, я могу понять позицию Замышляевой: она – здесь баба случайная и просто многого не догоняет. Но мы-то с тобой инженеры и должны руководствоваться общепринятыми производственными правилами и требованиями инструкций по технике безопасности. Ведь не зря говорят – эти документы кровью писаны.

Это я здорово польстил Белову, назвав инженером – высшего образования у него нет. Но главный инженер комхоза на лесть не клюет:

– Слушай, иди ты в жопу. Будешь тут разводить рулады... Я еще подумаю, как тебя наказать за инцидент со Степанычем.

– Ну, думай-думай, – я устало махнул рукой: авторитет Белова мгновенно упал в моих глазах ниже канализационной трубы – тупей тупого мой непосредственный начальник.

Рабочий день только начался, а я уже слишком устал, чтобы злиться. Можно сказать – выработался, не приступив к работе.

Что-то в этом комхозе не так – пульсировала в голове мысль – что-то не так.

Но что не так? Не мог сообразить. Понятно, что Белов – не инженер. Замышляева – вообще не пришей к пиле рукав. Разве что, сильна характером баба. Кто их собрал в один коллектив? Виктор Григорьевич давно бы в землю закопал таких работников. Ах да, при власти теперь новый Шумаков из когорты «партийных тунеядцев» – Сергей Вениаминович. Этот, наверное, тоже не тот...

В памяти ожила картинка – как десять лет назад Шумаков С. В., будучи начальником «Службы заказчика», увольнял меня из МУП «Коммунсервис».

– Мы сокращаем должность снабженца. Пиши заявление на увольнение.

Профан! Если бы не Клипа с Комитетом, я помотал этому индюку нервы за его «сокращаем» и «пиши заявление».

Ожидая оперативки, сидели с Беловым молча – за столами друг против друга. Пытаясь справиться с подступившими чувствами, сосредоточил взгляд на настольных часах, доставшихся мне в наследство от сбежавшего начальника базы – смотрел, как бежит по кругу секундная стрелка и размышлял: а точно ли он сбежал за женой – может, была другая причина?

Еще одна картинка всплыла в памяти. Как-то Чернов меня подговаривал выдвинуться куда-нибудь кандидатом на районном уровне – обещал материальную поддержку. На мой отказ так сказал: если хочешь остаться порядочным, лучше вообще уйди из бизнеса и не лезь никогда во власть. То есть по-черновски выходило: ложись и помирай или наплюй на свою совесть – другого выбора в жизни нет...

Вернулось странное чувство, что я не понял чего-то решающего – какого-то важного и незамеченного в действиях моих начальников противоречия. Я даже задержал дыхание, пытаюсь понять – что это? – но снова не смог.

9-00. Мы поглядели с Беловым друг на друга и встали одновременно из-за столов. К началу десятого все начальники участков комхоза собрались в кабинете директора. Прежде чем открыть совещание, Елена Владимировна налила стакан воды и выпила залпом. Симптоматично, однако! Но дальше о пьянстве ни жеста, ни слова.

Замышляева обвела всех взглядом:

– Ну, кто чего достиг за день вчерашний? Начинайте отчитываться...

Колесо совещания медленно, словно нехотя, пришло в движение. А когда прикатило к финишу, и все поднялись расходиться, директор приказала мне задержаться.

– Знаешь Савченко Валерия Ивановича из УУ ЖКХ? Пойдешь к нему. У него есть какая-то заявка от населения – надо исполнить.

Не заходя ни в котельную, ни в кабинет, отправился в головную контору нашу. Было уже четверть десятого. Стояло прелестное майское утро – тепло и совершенно безветренно.

У меня поднялось настроение, что на оперативке не спросили за вчерашнее – незаконченное задание по работе на клумбах и проступок сварщика. Есть в комхозовской бестолковости и свои прелести – как говорят о горе-футболистах: бей, беги, думать не надо. Вот и я – куда послали, туда и топаю, ни о чем не размышляя. Хотя – не буду скрывать – неприятное подозрение, что надо мной издеваются, таки присутствовало.

Валерия Ивановича опять застиг в коридоре.

– Мне надо с вами поговорить.

– Заходи в кабинет, – пригласил он.

Обстановка его рабочего места ничем не отличалась от подобных комнатушек бесчисленного числа административных чиновников. Мебели почти не было, стены голые – ни картин, ни украшений. Тяжелый деревянный стол, стул, шкаф для бумаг... ну, и стул для посетителя.

Как бы извиняясь за убогость обстановки, Савченко сказал:

– Я всю жизнь был убежден, что надо сидеть на жестком стуле – к черту кресла! Когда неудобно заседать, все делаешь быстрее. Не важно что – перекусываешь, думу думаешь или принимаешь посетителя. Все происходит намного быстрее.

Я сел на предложенный стул – он и в самом деле оказался весьма неудобным.

– Меня Замышляева к вам послала. Говорит – заявка есть, которую надо исполнить.

– Малоприятная баба твоя начальница.

– А кто в комхозе многоприятен? – сказал, но не захотел обсуждать эту тему и постарался перехватить инициативу. – Так что с заявкой?

Валерий Иванович тут же сделался серьезным. Но ответил не сразу, покопавшись в бумагах на столе.

– Вот... – он пробежался глазами по листу заявления. – Женщина просит заменить батарею отопления в её квартире. Пойдешь с этой бумагой – тут адрес, фамилия указаны... договоришься, когда она вам откроет. Лучше, конечно, в рабочее время. Ну, это ей не будет сложно – похоже, что пенсионерка...

– Что у вас есть? – спросил, продолжая, Савченко и сам же ответил. – Радиаторы есть, резьбы нарежете, контргайки в комплекте батарей... Аппарат, шланги, кислород – думаю, еще не пропили...

Тут он взглянул на меня, а я плечами пожал.

– Ах да, прошлый раз говорили, что карбида на складе нет. Но это не проблема. Сходи сейчас в магазин Матросова, возьми счет на предоплату наличкой – в кассе получишь деньги.

Валерий Иванович подытожил свои соображения:

– Если справишься, я тебе еще работы подкину.

А я подумал – была нужда за оклад напрягаться.

В хозяйственном магазине карбид отпускался в тару покупателя – пришлось выписать и ведро впридачу. Все обсчитав, продавец выписал мне счет. Вернувшись в УУ ЖКХ, предъявил его Савченко. Тот приказал кассиру выдать мне необходимую сумму. Но чтобы деньги получить, пришлось заполнить расходный ордер – на себя, естественно.

Валерий Иванович напутствовал в дорогу:

– Смотри не тяни с этим делом. Хозяйка грозилась обратиться в газету.

Тогда надо спешить, подумал я и с новеньким цинковым ведром, полным карбида, отправился по указанному в заявлении адресу. Когда позвонил в дверь квартиры второго этажа, было уже половина двенадцатого. На лестничную площадку доносились звуки радио, и, кажется, кто-то отбивал мясо на кухонной доске. Попытался обдумать предстоящий разговор с автором заявления. Надо будет уговорить её принять нас в рабочее время, чтобы потом не было волокиты с исполнителями. Ключевой вопрос – вредная ли она тетка? А то бывают экземпляры – о-хо-хох... Я по Восточной котельной помню жалобщниц и скандалищиц из народа – досталось от них не мало тогда...

Бабуля вроде была ничего. Впустив меня, она выключила радиоприемник и показала батарею, которую следует заменить. Хозяйка готова была принять ремонтную бригаду сразу же после обеда. И хотя мне было неловко, спросил – не против ли она будет, если я оставлю в коридоре квартиры ведро с карбидом, чтобы не таскать ношу туда-сюда. Получив согласие, отправился восвояси – а точнее, домой на обед.

Было всего без четверти час, когда я притопал на КНС – мне нужен был Иван Степаныч. Сварщик тут и находился – поддатый, но транспортабельный. Видимо, когда выпивал, закусил и не пошел на обед – просто дремал в теплом вагончике, оборудованном под кабинет начальника.

Я объяснил ему суть задачи. Степаныч ответил без колебаний:

– Ты что, начальник, не догоняешь? Я же тебе говорил, что за серьезную сварку давно не берусь. Могу резать, стыковать кой-какие железяки, но швы на мелких трубах – боже меня упаси...

– Но ты же ведь числишься сварщиком! Зарплату за то получаешь...

– Не знаю, сколько продержусь, но варить не могу. Так бывает.

– Ей бо, как в сказке о потерянном времени: пойдешь налево – просто лес, пойдешь направо – просто лес, а если ты в комхоз залез – перед тобой лес чудес... И что теперь делать?

Иван Степанович вроде бы засовестился.

– Знаешь, сейчас при монтаже радиаторов в квартирах вообще уходят от сварочных работ. Плашкой нарезают сгоны на подводящих трубах, резьбы вкручивают в батарею, между ними муфту – паклю подматывают и никакой сварки не надо. Ты что не в курсе?

– Не встречался пока еще. Кто-то из наших слесарей умеет?

– Да вряд ли. Впрочем, поговори с Гришакой Тевелевым – он во все вникает, а дело-то плевое.

Не колеблясь, отправился в котельную. Там два Тевелевых и Истомин.

– Чем занимаемся, народ?

– Команды ждем?

– Целый день?

– Пока полдня.

Я даже почувствовал укол зависти – вот бы мне такую работу! Но мечта эта, похоже, не осуществима.

– А денек чудесный! Не хотите ли для разнообразия поработать?

Тевелев-старший понял меня неправильно.

– Раньше надо было, начальник. А теперь пока получим инструмент – и на месте ли еще кладовщик: после обеда её чаще всего не найти – да дойдем до УУ ЖКХ, времени на работу не останется.

Женька громко засмеялся. Легкотруженник Истомин звучно высморкался. Гриша барабанил пальцами по столу. Не хотят работать стервецы, подумалось мне.

– Дело такое, – начал я и рассказал о новом задании Замышляевой. – Витаминыч, можешь поменять батарею без сварки?

– Радиаторы есть? – поинтересовался Тевелев-старший.

– Говорят, есть.

– Ну, тогда пойду Бориса поищу – может у него плашки с метчиками найдутся: муфты и резьбы с ним нарежем. Труба какая?

– Ну, какая бывает в квартирах? – полдюймовка, наверное.

– Бывает и на двадцать. Ладно, какую найдем – такую нарежем.

Я промолчал. Мне просто нечего было сказать. Гриша ушел. Позвал бы с собой, я тоже пошел. Хотя, наверное, надо идти выписывать на складе семисекционную батарею. С тяжелой душой отправился в бухгалтерию, с трудом пересиливая гнетущее отвращение к непонятной работе.

Ветер стих, вдали погромыхивало. Горизонт заволокло свинцовыми тучами. Кажется, будет гроза или приличная буря. Выписав в бухгалтерии требование на получение радиатора отопления, присел на скамеечку у закрытого склада, поджидая Любовь Васильевну – куда подевалась?

Было душно, как обычно бывает перед грозой. Потом потянуло прохладой, и ветер усиливался с каждой минутой. Надо бы включить такие мгновения в список несомненных радостей жаркого дня или в каталог вещей, делающих человека счастливым. Но в следующее мгновение заряд пыли, пронесшийся столбом по комхозовскому двору, прогнал меня к моим мужикам.

В котельной не было потолка, а крыша из шифера. Онакратно усиливала небесные громыхания, создавая жуткий эффект. Кроме того, из наследия старой угольной котельной – печной кирпичной трубы – порывы ветра выколупывали элементы кладки и с грохотом обрушивали на шифер, грозя насквозь его пробить.

Мы сидели в операторской, распахнув двери. Когда обрушился первый удар на крышу, я подскочил:

– Что это?

– Кирпичи из старой трубы, – спокойно сказал Истомин.

– Так ведь крышу пробьет!

– Она уже в двух местах течет.

Рискуя получить по темечку кирпичом, прошелся по котельному залу из конца в конец, отмечая в памяти места, где крыша действительно подтекает. Дела-а...

В половине пятого сидел за своим столом. Гроза давно кончилась. Григорий так и не появился – ни с резбам, ни без них. Любовь Васильевна, кстати, тоже. Очередное свое задание снова бесславно завалил. Было стыдно и тоскливо. Что делать? Ждать, когда выгонят или попроситься в операторы газовой котельной? По разговорам, только Истомин в зиму останется – нужно будет еще троих. Мне не дано счастья быть начальником. Вот такой я никчемный человек.

Одно утешение – бесплодный день таки кончается. Сейчас приду домой, приготовлю ужин и немного посплю. Ночью встану и поработаю в интернете. Вот там-то царит абсолютная ясность – порядок, который никогда не достичь в реальной жизни. Это мой мир. В нем я могу работать без досадных помех. И думать о том, что происходит и что еще может произойти. Там мне не надо размышлять – кто я такой? И о том – прав ли я или нет? И что справедливости в реальном мире не было и не будет...

Внезапно в дверях кабинета появилась бабушка, у которой был в начале дня и обещал заменить засорившуюся батареею отопления. Ведро мое у неё в руках – новенькое, оцинкованное. Только вместо карбида какой-то пепел на самом донышке.

– Вы у меня сегодня были?

– Я, – признаюсь и чувствую себя уголовным преступником.

– Она сильно воняла... я на балкон ведро выставила... а тут гроза... дым пошел... я так сильно перепугалась. А когда дождь закончился... вот все, что осталось. Вы не ругайтесь, пожалуйста – я не нарочно.

– Да ничего-ничего... все нормально. Мы не смогли сегодня собраться – так получилось.

М-да... Отдал Богу душу ацетиленом напрасно купленный карбид.

Вечером дома выпивал, чувствуя себя на грани истерики. Ведь я никогда не любил комхоз – даже во времена Кожевникова посмеивался над его нравами и дисциплиной – черт меня дернул туда забуриться. Не то чтобы работой в нем тяготился – просто не знал, как себя там вести. Когда на оперативках у директора начальники участков обсуждали вопросы, как удобнее всего увольнять работяг, не нарушая закона, не знал даже, куда себя девать – ейбо, как партизан в гестапо. Мне кажется, все так и поглядывали на меня – мол, не нашего поля ягодка этот начальник базы.

Когда работал в Восточной котельной, было дело – ругался с пролетариями; можно сказать, за ножи хватались – но никогда никого не увольнял. Даже мысль такая в голову не приходила. А думалось так – сам виноват: человек не работает лишь потому, что я еще не нашел для него рычаги давления, главный из которых – материальная заинтересованность в результатах труда.

Бессонная ночь, день без отдыха, после ужина алкоголь – все это вкупе меня одолели: завалился пораньше спать, так ничего не решив для себя. В два часа пополуночи сам проснулся, заварил кофе и сел к компьютеру. «Час Пикуля» – настала пора отправляться в виртуальное пространство...

После пробежки пошел на работу. На душе было очень тревожно. Что делать дальше? Что ни поручат – все прахом. И ведь ни спрашивают результатов – будто самим дела нет – зачем поручают? Ну, а мы подождем и все поймем – вот такой был настрой...

Нужно было время, чтобы спокойно обдумать, что отвечать директору на оперативке, если о батарее для бабушки речь зайдет. Присел поразмыслить за своим столом, и поскольку Белова в кабинете не было, закрыл глаза. Так бы и уснул с удовольствием, ничем не беспокоясь...

Все, что происходит со мной в комхозе, похоже на детектив. Все проколы как-то связаны. Где-то есть (должна быть!) отправная точка, которую я либо пропустил, либо не смог разглядеть. Перебрал в уме все события за два минувших дня – ничего конкретного не вырисовы-

валось. Никогда и нигде не видел еще подобного отношения к работе целого коллектива – от директора до последнего сторожа...

Никакой подсказки от интуиции – внутри вообще застыло безмолвие.

Оставался только один вопрос – что будет дальше?

Мы собрались на оперативку у директора, как обычно в девять часов. О чем-то пофилософствовали, что-то проанализировали – моих бед не коснулись. Потом Елена Владимировна объявила – поскольку коммунальное хозяйство микрорайона Элеватор передано в наше ведомство, а в частные коттеджи проведен газ, ставшие ненужными теплосети предстоит демонтировать.

– Нам эти трубы еще пригодится, – сказала директор и обратилась ко мне. – Тебе и твоим людям надо будет разобрать и вывезти ненужные трубы. А ты, Владимир Михайлович, поезжай и на месте разберись, что к чему. Потом объясни людям всю технологию этих работ – чтобы чего-нибудь не напортачили. Все ясно?

Я уже был у двери, когда Замышляева сказала мне в спину:

– На время работы на Элеваторе оперативки можешь не посещать, чтобы заниматься делом прямо с утра. Результат я сама увижу по вывезенным трубам.

После оперативного совещания мы с Беловым сели в комхозовский «бобик» и поехали на Элеватор. Походили, посмотрели...

Белов сказал:

– Значит, так... Следует обратить внимание на то, что в пакете теплотрасс четыре стальных трубы – две отопления и две подачи воды для бытовых нужд: горячей и холодной. Поэтому технология такова – разворачиваешь пакет, вырезаешь отопление и снова заворачиваешь оставшиеся трубы. Ясно-понятно?

Ничего яснее не стало.

– Владимир Михайлович, они же зимой перемерзнут.

– Кто?

– Трубы водоснабжения. Если циркуляции не будет, горячая вода быстро станет холодной, и все перемерзнет.

– Да? Ну и что? Не нашего ума дело!

Интересно – а чьего же?

– Начинать надо сначала – неизвестно сколько успеем, а здесь труба толше: значит больше металла вывезем.

Я бы и с этим тоже поспорил – наверняка в микрорайоне хоть один найдется чудака, который сделает все не так: возьмет и не отрежет свой коттедж от центрального отопления. Здесь разобрав, мы устроим ему кузькину мать. А потом он нам. Но не стал с Беловым спорить – сделаю по-своему, и будь что будет.

– Когда до коттеджей дойдешь, время разбора трасс надо будет согласовывать с хозяевами – чтобы пустили на территорию. И, возможно, придется работать вечерами, а также в выходные дни.

Вот не было-то печали!

– Владимир Михайлович, ты разрешишь мне для бригады писать особый табель-календарь – сколько фактически часов отработано, в какой день и сколько часов.

– Зачем? – нахмурился Белов.

– Чтобы люди знали, за что колготятся внеурочно и выходные дни.

– Это к чему? – не понял я, – главный инженер напрягся.

– Так неурочное время считается переработкой и как праздничные дни оплачивается двойным тарифом. Так по закону положено.

– Ага, усек! – просветлел Белов и выругался. – Иди ты в жопу со своим двойным тарифом. Отгулами компенсируешь переработку. Зимой им все равно делать в котельной нечего – пусть дома сидят за оклад.

Логично, хотя и противоречит закону.

Вернувшись в комхоз, занялся сборами на Элеватор. Забрал с КНСки Степаныча – резать-то может слепой черт! – приказал ему загрузить в тракторную тележку резак, шланги, кислород, пропан. Двух Тевелевых озадачил – собрать необходимый для демонтажа труб инструмент. Еще посоветовал запастись сталистой проволокой для обмотки гидротеплоизоляции – на случай, если старая будет рваться. Родионова Белов не отпустил, пояснив, что тот единственный человек, кто умеет работать на токарном станке – мол, в комхозе может в любой момент пригодиться. Ну, кажется, все...

Григорию приказал:

– Как все погрузите, ложитесь на дно кузова, чтобы менты вас не засекли, и поезжайте на Элеватор к микрорайону одноэтажных коттеджей у ФОКа. Я пешком выдвигаюсь, чтобы подготовить фронт работ.

Пошел напрямик, но парни на тракторе меня обогнали. Приехали, начальника не застали, выехали на поляну напротив крайнего коттеджа, разделись по пояс и легли на травку загорать. Погода благоприятствовала – было тепло, солнечно и совершенно безветренно.

Прибыв на место, я их сразу увидел, но не стал беспокоить – пусть пока загорают: мне нужно было подготовить им фронт работ. Подошел к крайнему коттеджу, точнее, к одной из его половин и утопил кнопку звонка на воротах – сим-сим, откройся!

Красивые дома построил «Злак» для своих сотрудников. И живут здесь прилично приличные люди – все обихожено и в цветах.

На мой звонок вышла в калитку миловидная женщина.

– Мы из комхоза. Приехали к вам, – я кивнул на тележку с трактором и загорающую братву, – разбирать трассы центрального отопления. У вас же теперь собственное тепло на газу?

– Да.

– Ну, вот. А старые сети мы разберем, поскольку их передали на баланс комхоза.

– Я не знаю, – неуверенно сказала женщина. – Надо бы мужа дожидаться.

– А вы не можете ему позвонить?

Она промолчала. Я продолжил:

– Понимаете, дело не совсем добровольное – согласны вы на демонтаж или нет. Если вы нам сейчас не позволите теплотрассу разобрать, зимой комхоз вам выставит счет за её обслуживание. Вы хотите платить за то, чем не пользуетесь?

– Нет.

– Тогда пустите нас на приусадебный участок и мыотрежем трубы центрального отопления от вашего дома, поскольку они вам теперь не нужны.

Женщина недоуменно пожала плечами, не зная на что решиться.

– Знаете что... чтобы окончательно развеять сомнения и пустить нас в свои пенаты как муниципальных работников, а не разбойниками с большой дороги, вы позвоните в комхоз директору или главному инженеру... на худой конец в службу УУ ЖКХ, если им больше у вас доверия. А еще мужу, чтобы совсем быть уверенной...

Она кивнула мне, соглашаясь – да, мол, сейчас позвоню...

– Ну, тогда я подгоняю к воротам народ и трактор?

Она снова кивнула и, оставив калитку открытой, ушла в дом. Я пошел к мужикам.

– Вон калитка открытая – ваш первый объект. Задача такая – распаковать гидротеплоизоляцию у входа в дом. Если трубы отопления не уходят в стену, разбираем всю теплотрассу до магистрали. Если не отрезаны – все в исходное положение. Задача ясна? Плети резать мет-

ров по пять, чтоб в кузов прицепа входили и борт закрывался. А потом, когда отопление вырежете и вынесите, оставшиеся трубы водоснабжения снова упаковать в гидротеплоизоляцию. Все понятно?

– Какого хера? – возмутился многоопытный Степаныч. – Они ж перемерзнут.

– Ни наша забота, – процитировал я Белова, и посоветовал. – Вы бы оделись, мужики. Хозяйка – женщина приличная.

– Пусть полюбуется на мужские стати, – гордо заявил Тевелев-старший.

Кстати, Женька, сын его – культурист и неплохо смотрелся без рубашки.

Я отправился к воротам второй половины коттеджа, а демонстражники гурьбой к открытой калитке – следом трактор. Давил кнопку звонка и слушал дебаты бригады за палисадником.

– Степаныч, вперед! Если есть там собака, загони её в будку.

– Собаку-то я загоню без проблем. А как пройду, она выскочит и вас порвет.

– А ты конуру еёную чем-нибудь подопри...

Степаныч вошел, следом Тевелевы-богатыри, и тракторист не утерпел...

Не дождавшись реакции на звонок, вернулся и я к открытой калитке. Ребята разбирали гидротеплоизоляцию трассы, проложенную на шлакоблоках через весь огород. Она же служила границей двух соседних огородов. Над забором на двухметровых опорах – магистраль. Тепло-снабжение в обеих квартирах было отрезано.

– Парни, зря голышом работаете – стекловаты нацепляете и зачесаетесь...

– Мы аккуратненько, – пообещал Тевелев-старший.

Ну-ну...

– Степаныч, шлангов до магистрали хватит?

– Вряд ли. Да притащим сюда баллоны – делов-то...

– Ну, успехов в труде! Я пошел готовить вам фронт работ.

С собой запасливо взял блокнот, чтобы записывать пожелания хозяев – кто когда будет дома, и в какое время им удобнее принимать наш визит.

В следующем, открывшись мне на звонок коттедже был мужчина. Я успел лишь представиться, и он пригласил меня во двор. Провел в тенистую беседку, увитую плющом, с удобными внутри скамьями и красивым самодельным столом. Предложил квасу – мол, не помешает освежиться в жаркий день – и ушел за ним в дом.

Я присел в прохладной беседке и откинулся на спинку скамьи. Очень удобно. Гораздо удобнее тех конторских стульев, что стоят в нашем с Беловым кабинете. Благодать! Прикрыл глаза, думая – не хватало еще здесь задремать.

Пришел гостеприимный хозяин с холодным квасом. Прихлебывая напиток, я поведал ему свои задачи.

– Не уверен, что понял вас, – удивился мужчина, судя по всему – бывший военный.

– Ну, не знаю, как еще объяснять – мне приказали, я исполняю.

– Наша роль какая?

– Нас пускать – не запира́ть калитки, не травить собаками...

– Мне надо с кем-нибудь поговорить из вашего начальства.

– Пожалуйста. У вас есть телефонный справочник? Все номера сохранились – и директора, и главного инженера. Еще можете позвонить в УУ ЖКХ – они-то нас и озадачили, – сказал и стал сомневаться. А может, нет государственной важности в нашем новом задании? Кому нужны были старые ржавые трубы? Кому-то колышками на забор дачи или металлолом в чермет?

– Вы ведь оставите нас без воды.

– Не мы, а вы сами. Неужели думаете, что холодные трубы отопления спасут ваше водоснабжения.

– Так мы могли, отрезав тепло от домов, закольцевать теплоснабжение в трассах.

А что? Это выход. Как самому-то в голову не пришло. Эх ты, горе-котельщик... – это я про себя.

– Но ведь это повлечет для вас дополнительные затраты.

– Я думаю, водоснабжение того стоит. Не представляю, как можно жить без воды.

– Бурите скважину, ройте колодец...

– Но ведь есть готовое, да причем с горячей водой. Ну и ну...

– Я с вами согласен: идея с закольцовкой теплотрасс без ввода в дом – это выход. И пока не стало поздно, дуйте в Учреждение по Управлению ЖКХ, стучитесь в их твердые лбы. А меня поймите правильно – я не заказчик, но исполнитель.

– Короче, мы с вами договорились, – сказал гостеприимный хозяин подливая мне кваску в кружку из запотевшего кувшина. – Вы теплотрассу мою не трогаете.

– Без вашего разрешения нет.

– Добро.

Дальше я уже играл против комхоза. Продолжая обход, давил на звонок или стучал в калитку с надеждой, что в доме никого нет. А если открывали и выходили люди ко мне, всем обстоятельно объяснял свои задачи и их права с возможностями сохранить водоснабжение. Многие готовы были доплачивать. Иные нет, и я делал в блокноте соответствующие пометки. Народ попадался разный – кто-то присматривался ко мне с недоверием, кто оценивающе, кто вполне дружелюбно. Бывали такие, с которыми я вообще не знал, как разговаривать. Порой становилось стыдно, как напавшему ребенку. Некоторые, мне казалось, испытывали шок от сообщения, что им придется доплачивать за теплоснабжение, которого у них не будет или лишиться горячей воды. Некоторые склонны были ругаться. Иные говорили таким голосом, что казалось, вот-вот зарыдают. Разговор во многом зависел от того, какое я производил на граждан впечатление, и потому старался быть дипломатом. Старался выдавать информацию как можно правдивее, потому что ложь всегда отталкивает.

В этот день парни успели порезать трубы только в одной усадьбе. Погрузили в прицеп обрезки с инструментом и пошли на карьер купаться – таки нахватали, демонтируя и монтируя теплогидроизоляцию, стекловаты и стали чесаться. А я, дома поужинав, вернулся в микрорайон элеваторских коттеджей и весь длинный теплый майский вечер собирал информацию – кого, как, когда?

Чертовски устал, но был доволен – люди оповещены, никто не сможет потом упрекнуть меня, что лишил их воды незаконно. Я понимал, что растолковываю обывателям о возможности сохранить теплотрассы на свой страх и риск – никто меня на это не уполномочивал. Более того, если мое начальство глаз положило на бесхозную трубу, то вряд ли будет довольны моей самостоятельностью.

Работал и в выходные. Примерно за неделю в моем блокноте были собраны записи, дающие полную картину – кто чего желает в коттеджном микрорайоне Элеватора по поводу отопления и водоснабжения. Четко знал, где и когда можно вырезать трубы, а где нет. Хорошо, что не последовал совету Белова и не стал крушить магистральных трасс. Люди сходили в УУ ЖКХ и пришла запоздалая коррекция к первоначальному приказу – разбирать только там, где хозяева не против.

М-да... Неделью я интенсивно работал, а потом месяц валял дурака. На оперативки ходить не надо. Ребята знают, что им делать утром на базе – погрузятся и на Элеватор. А я уже там... Озадачивал и, если подходящего собеседника не посылаю Господь, уходил на поляну, где загорал на солнышке или отсыпался в тенечке. Благодать!

На любой внезапный наезд начальника были готовы секретный звонок мне от Гриши Тевелева и оправдание словами – работаю, мол, с населением в поте лица. Если сохранять самообладание, никто ни в чем меня не заподозрит.

С Витаминачем у нас установились очень дружественные отношения – он уважал меня, как начальника, я не допекал его наездами. Впрочем, Григорий был из числа трудоголиков. Ему не нужен был контроль – поручи дело, он сам придет и доложит о выполнении.

Наконец-то, работая в комхозе, я почувствовал что-то вроде удовлетворения, но постарался не расслабляться – самодовольство опасно. И еще азарт поблазнился. Тема такая – тупое начальство не догоняет, что вершит, а я поразмыслил и выдаю собственное оригинальное решение проблемы; без всякой помпезности, только лишь пользы ради.

Со временем стал довольно известной личностью в микрорайоне элеваторских коттеджей. Иду однажды своими делами по улице микрорайона мимо ФОКа – бах! – меня женщина останавливает. И по голосу сразу понял – разговор будет не о любви.

– Я хочу, чтобы вы мне объяснили одну вещь, – сказала она. – Коттедж мой собственный. Ну, пусть половина... Но все, что находится на ней – здание, пристройки, огород – моя частная собственность. За газ и электричество плачу по счетчику. Для канализации бочка зарыта. Ассенизаторскую машину сама вызываю и сама за неё плачу. Скажите – на черта мне нужен ваш комхоз?

– Значит, не нужен.

– Так какого черта, вы хотите забрать трубы, которые проложены в моем огороде?

– Как свою собственность.

– И когда стала?

– Как только «Злак» передал в муниципальную собственность свое коммунальное хозяйство.

– А то, что мы годами платили «Злаку» и за тепло и ремонт трасс, не сделало их нашей собственностью?

– Трассы принадлежали «Злаку» – теперь они наши.

– Может быть, где-то, но в моем огороде – все мое. Вы же их в чермет отвезете? Вот и берите то, что на улице, а наше не троньте. Я с соседом поговорю, и мы сами разберем трубы и отвезем в чермет. Все-таки деньги...

Блин! А ведь она права – я не нашел, что в ответ сказать.

Между тем, женщина возвещает:

– Так что можете ко мне не соваться – я приняла меры.

– И какие?

– Узнаете, когда появитесь.

Не было печали!

– Скажите адрес. Я запишу и к вам ни ногой.

Достал свой блокнот. Она покосилась на него настороженно:

– Досье на нас?

– Мне надо отчитываться перед начальством.

Женщина, будто себя убеждая:

– Пишите... И ничего мне не сделаете – ни вы, ни ваше начальство.

– Да мне-то достаточного вашего «нет», а про начальство этого не скажу.

Она покосилась на меня:

– В суд что ли на меня подадут?

– Есть и еще одна возможность – маловероятная и еще менее приятная. Мне о ней даже думать не хочется.

– Ну-ка, скажите! – требует женщина.

– Прийти с участковым.

– Без ордера прокурора я и участкового на три буквы пошлю.

– И какой из этого можно сделать вывод?

– Трубу я вам ни за что не отдам.

– Я записал.

Хозяин второй половины коттеджа, без согласования с которым мы демонтировали самый первый участок теплотрассы, сходил с жалобой на нас (на меня?) в УУ ЖКХ. Там его не очень дипломатично отфутболили. Он с упреками ко мне подкатил.

– Прошу прощения, – сказал я, придав голосу максимум сожаления. – Хотя, собственно, извинений мне нет. Просто вас не было дома, а соседка дала «добро». Вина моя и больше ничья – я принял решение.

Мне показалось, мужик был не против слупить с меня бутылку по поводу и по принципу: с паршивой овцы хоть шерсти клок. И уже не скрывая раздражения, добавил:

– Впрочем, я человек подневольный. И за мои ошибки несет ответственность мое начальство. Пожалуйте с жалобами в комхоз или УУ ЖКХ.

Мужик обреченно махнул рукой:

– Там я уже был...

До обеда еще больше часа. У меня разболелась голова, к тому же разыгрался аппетит. Сходил в элеваторский магазин «Южный» и купил себе мороженое. Потом уселся на поляне в тени куста, чтобы додумать одну мысль, которая не давала покоя.

В этой кампании по демонтажу бэушных труб как будто проглядывает чей-то корыстный умысел. Но куда безликий – и Замышляева суетится, и УУ ЖКХ. Возможно, они друг другу моют руки, или директор комхоза такой же исполнитель, как я и моя бригада. В принципе, мне-то какая разница – кто на этом руки нагреет. Жуй мороженое, загорай и радуйся – скоро обед! Но привычка все подвергать сомнению, а потом понимать и объяснять не давала мне покоя.

3

Однажды архаровцы мои не приехали на Элеватор. Девять... десять часов... их все нет. И Гришака молчит. По уговору должен был позвонить в случай чего. Что же произошло? Голову сломал, но не мог понять – что? Решил – надо набраться терпения, несмотря на гложащую тревогу, и отдаться судьбе. Что-то странное происходит однако.

Ближе к полудню стало ясно, что делать – надо идти в комхоз. А Гришаку-чертяку изругаю за послушание. Заторопился – сначала пораньше на обед, потом в контору свою. В котельной Истомин – он не ходит трапезничать домой.

– Что-нибудь новое? – спросил его.

Он меня понял.

– Бригаду нашу забрал Белов. Трубы в Южноуральске режут и грузят.

– В смысле? Какие трубы?

– Новые. УУ ЖКХ нам трубы оплатило для ремонта теплотрасс.

– Новые? А зачем же их резать?

– Чтобы трактором перевезти.

– Твою мать! А длинномер нанять ума не хватает?

– Я не знаю. Белов командует.

Мигом забыл про Элеватор и свои демонтажные заботы, пошел искать главного инженера, чтобы крепко-накрепко поругаться – с трубами мне кувыркаться, так зачем же их резать?

– Тупица и бездарь! – ругал я Белова, не скрывая ярости.

Правда, скрывать её было не от кого – народ весь на обеденном перерыве. Контора пуста, кабинеты закрыты. Я сел в тенёчек на лавочку во дворе комхоза с намерением выловить главного инженера и остановить его преступную деятельность. Но несмотря на нервное состояние, накатил сон...

Точнее кошмар – я искал Белова в каком-то болоте, но на глаза попадали разные причудливые твари, совершенно неузнаваемые. Что к чему?

Так и не поняв, медленно вынырнул из сна. Тень переместилась в сторону, и я уж вспотел под солнечным гнетом. Отдохнувшим себя не почувствовал, к тому же мучила жажда. Глянул на дисплей мобильного – проспал почти полчаса. Сейчас народ хлынет. Белова все нет. Наверное, уже умотал паразит в Южноуральск – трубы резать...

Подъехала Замышляева на своей личной «Волге».

А была-не-была! Что я теряю кроме своих цепей?

– Елена Владимировна разрешите обратиться?

– Чего тебе? – директор остановилась, разглядывая меня – давно не видела: должно быть, соскучилась.

– Я – старый котельщик. И как все, продымленные насквозь мужчины, терпеть ненавижу, когда кто-то топчет мой огород.

– Ну-ка, ну-ка... В чем дело? – засмеялась Замышляева.

Постепенно она начала меня понимать, и разговор пошел живее.

– Отстраните Белова от труб – он их режет. Совершенно новые! Уму непостижимо, что за глупость.

– Ну, правильно, чтобы в тележку тракторную вошли.

– А длинномер внапряг найти?

– Чем за него платить?

– Я найду.

– Ну, если так, то берись сам.

– Так устраните Белова. Прикажите ему трубы не трогать. Завтра они все будут здесь – целые и невредимые.

– Я позвоню сейчас Белову. Но если у тебя случится прокол...

– За слова отвечаю. Вы только не дайте этому идиоту портить новенький материал.

– Ух, ты его как! И не страшно? – ведь он же твой непосредственный начальник.

– А что, начальник не может быть идиотом, когда вот так поступает? – не посоветовавшись...

– Или наоборот... – раздумчиво сказала Замышляева и покачала головой.

Договорившись с директором, отправился в УУ ЖКХ к Савченко В. И.

На что я надеялся? Почему – вы спросите – только что поступивший на службу начальник базы может найти деньги для оплаты услуг длинномер, а директор и главный инженер комхоза нет? У меня школа и опыт МУП «Коммунсервис», у которого не было своей кассы приема налички от населения. В случае всякой финансовой нужды мы обращались в «Службу заказчика» (теперь Учреждение по Управлению ЖКХ) и практически никогда не имели отказа. У комхоза была своя касса для приема налички от населения – например, за услуги ассенизаторов. Баня общественная также сдавала сюда свою выручку. Короче, УУ ЖКХ на мелкие просьбы финансовой помощи привыкло комхозу отвечать – у вас есть свои деньги, злодействуйте. Ну, а я...

Я пришел к Савченко Валерию Ивановичу и объяснил ситуацию с трубами.

– Туп ваш главный инженер.

– Не то слово.

– Ну а ты-то, что хочешь?

– Я найду длинномер – оплатите его услуги?

– Договор надо сочинить.

– Не надо никакого договора. Сделаем проще – я подпишу водителю путевой лист, а вы рассчитаете сумму своими тарифами и оплатите. Расчетчик-сметчик-экономист, надеюсь, в конторе у вас есть? Помню, в «Службе заказчика» эти функции исполнял Быструшкин.

– Есть. Как не быть?

– Ну и все. Значит, договорились.

Я отправился домой к знакомому мужику – владельцу и водителю длинмера.

«Камаз» с длинным кузовом стоял возле частного дома практически на окраине поселка – да, такой машине вряд ли своими силами гараж построишь. Калитка из штакетника, собаки не видно. Я вошел во двор, поднялся на крыльцо и постучал в дверь костяшками пальцев. Подождал, потом постучал кулаком. Никто не откликнулся. Дернул за ручку – дверь заперта. Дальше не знал, что предпринять, но уходить не собирался. Машина нужна позарез, и времени нет.

Позади дома был фруктовый сад: яблони, вишня, сливы – все отцветает, а хозяина нет и там...

Вышел на улицу, прилег на травку в тени «камаза», решив – пока водилу не дожусь, не уйду...

Когда, очнувшись от сна, открыл глаза, надо мной стоял тот, кто мне был нужен.

– Сморило?

– Деловым отдыхать некогда.

– М-да... в чем-чем, а лени нас не упрекнешь. Какими судьбами?

– Работа есть.

– Говори.

Вникнув в суть, он поморщился:

– У вас, муниципалов, есть одна хреновая черта, которая делит задницу вашу пополам – вы никогда не держите слова. Без договора я не поеду.

– Можно и договор состряпать, но времени нет – трубы должны быть завтра в комхозе. Но чем, скажи, тебя не устраивает мой вариант? Я подпишу почасовую путевку. Всех делов тебе – прокатиться в Южноуральск, потом в комхоз. Там погрузят, здесь разгрузят. Всех затрат – ведро соляры. Чем дома стоять бесплатно, лучше за деньги в комхозе почалиться. А договор тебя прямиком приведет в налоговую инспекцию...

– И неизвестно, что заплатят.

– Я подпишу тебе столько часов, сколько отметишь в своей путевке. А в УУ ЖКХ тебе рассчитает зарплату грамотный специалист согласно принятых у них нормативов. И заметь – за этот калым не надо будет нигде отчитываться: подоходный налог они с тебя слупят. Кроме того, с тобой познакомятся и узнают – какой безотказный ты и добросовестный парень; возьмут на заметку, будут звонить. Калымы посыпятся, как из ведра... Ну что, договорились?

Видя, что он еще сомневается, добавил:

– Сейчас не уборочная. Не стоит попускаться ни одной возможностью заработать. Говори «да» или я к конкурентам пошел.

Он огорченно махнул рукой:

– Если бы не ты просил, ни за что не поехал... Завтра куда и во сколько?

Трубы были спасены!

После того, как я их доставил, Белов молчал и хмурился, даже здороваться перестал – видимо, про «идиота» ему передали.

А вот Замышляева стала приветливее.

– В твои годы надо спать по ночам, – как-то сказала вполне дружелюбно.

Я посмотрел на неё с удивлением:

– Неужели так заметно?

А потом понял, что особой прозорливости тут не нужно, вспомнив, как рассказывал секретарше о ночных бдениях при поступлении на работу. Но раз зашел разговор да к тому же приветливый, решил воспользоваться моментом.

– Кстати, Елена Владимировна, я в совершенстве владею Интернетом в плане реализации неликвидов. Если в комхозе есть, что продать, и не доходят руки, я к вашим услугам.

– Подумаю, – был ответ.

Напряженные отношения с Беловым не давали покоя. А может, к чертовой матери этого главного инженера? В глазах начальства я его опустил. Достаточно еще немножечко подтолкнуть и – прощай, Владимир Михайлович, освободи-ка кресло.

Но хочу ли я на его место? Точно нет. Просто идиота над собой терпеть больше не было сил. Но еще что-то сдерживало – может быть, стал бояться ответственности? Словно бы, сам того не ведая, прошел зенит деловой жизни, и теперь начался закат – медленное сползание к спокойному существованию без всяких напрягов.

Так и не протиснувшись к чему-то путному, решил, игнорируя главного инженера, работать напрямую с директором. Не откладывая в долгий ящик, тут же отправился к Замышляевой с предложением.

– Елена Владимировна, трубы теперь у нас есть, и задвижки на складе имеются... Надо делать ревизию теплотрассам и начинать ремонт. А то не успеешь оглянуться, как лето красное пройдет, и отопительный начнется сезон.

– Ну, так делайте, – сказала она. – Красный флаг в руки.

Я вышел из её кабинета с твердым намерением начать ревизию и ремонт теплотрасс, а на все наезды Белова отвечать просто – у меня приказ директора. Как известно, ничто и никогда не повторяется. И наши отношения с главным инженером теперь будут другими. Если снова надумает показать, кто главнее из нас, надеюсь, сумею его убедить, что он выбрал не ту аудиторию.

Решительным шагом из конторы направился в котельную, чтобы озадачить парней на ревизию. И по дороге нагнал Белова с Расуловым, беседующих и идущих в том же направлении. Какие интересные люди! И что их связывает?

Расулов – тот самый полковник в отставке, бывший при Кожевникове главным инженером комхоза. Однажды он нагрязнул с самолично собранной комиссией в Восточную котельную и учинил самостийную ревизию моей производственной деятельности. Сделал жесткий вывод о профессиональной непригодности вашего покорного слуги. Однако Кожевников ему посоветовал этим актом подтереть себе задницу. Отношения у нас с Расуловым стали с тех пор неважнецкими.

Сейчас он где-то в Администрации района отирался в советниках по коммунальной части у Шумакова С. В., строго придерживаясь принципа отставных военных – все равно где и кем числиться, лишь бы служить, но не работать.

Я замедлил шаг и прислушался, когда понял, что Белов во всю мощь голоса и прокисших амбиций с яростной энергией закладывает Расулову нашего директора. Разговор этот меня очень заинтересовал.

– ... она посадила своего сынка смотрящим за сауной в бане. Билетов там нет – кто бывает, сколько платят, никто не знает... Просто семейную вотчину организовала.

Расулов молчал, Белов продолжал:

– Мне очень трудно с ней работать – совершенно некомпетентна ни в одном вопросе. Ни одного дела до конца не доводит. Только сплетничает дни напролет с бабами в конторе да против меня интригует. Хвастает, что с Шумаковым спит. Трудно сработаться с таким начальством...

Заговорщики прошли котельную и направились в баню. Мне пришлось прекратить преследование с подслушиванием, чтобы не вызвать их подозрений.

В операторской другая засада. За столом, как всегда, Истомин иже с ним – Иван Степанович, Натаха-прачка и Тевелев-младший. На столе почти пустая литровая банка – судя по запаху, самогона. Ничуть меня не смущаясь, сварщик наливает полстакана:

– Пей.

Интересно кого это он угощает? Истомин – диабетик, ему нельзя. Евгений – спортсмен, потому и не пьет. Ну, не мне же, в конце-то концов...

Стакан взяла прачка.

– Наталья, – говорю ей вместо тоста, – накажу.

Она томно потягивается, нацеливая в мою сторону упругие груди:

– Ах, накажи меня, начальник, пару раз да так, чтобы еще хотелось – и выпивает.

Закусила долькой лука на корке хлеба и говорит:

– Кстати, я оставила резюме в «Ресурсе» – надеюсь скоро от вас уйти. Знаешь там сколько фасовщицам платят? Тебе и не снилось...

Ну, о чем с ней говорить? Обращаюсь к виночерпию:

– Иван Степаныч, ты тоже подыскивай себе работу. Я сделал заказ на сварщика в Центр Занятости. Как подгонят, тебя уволю...

– А слесарем возьмешь? – просит он.

– Возьму, если пить бросишь.

– Вот сейчас допью и сразу брошу, – он выливает остатки пойла из банки в стакан.

– Где, Григорий? – спрашиваю Тевелева.

– Ложку режет.

– В смысле?

– А вон там, – он кивает в котельный зал.

Нахожу Витаминача в закутке на лавочке. У этого свое хобби – в свободное от работы время вырезает из березовых чурок деревянные ложки. И не плохо, скажу, получается. Он без дела сидеть не может – трудоголик хренов!

– Пьют, етиихумать! – пожаловался я и присел рядом. – Ты – одна у меня отрада.

Помолчали, задумавшись о роли пьянства в обществе.

– Я не понимаю таких людей, – соглашается Витаминач.

– Я тоже. Пить и работать – не по мне. Либо пить, либо работать – не могу себе представить, как можно сочетать неприятное с бесполезным.

Наверное, хотел сказать иначе, но получился каламбур, который мне понравился, и не стал поправлять.

– Иван Степаныч – всяко-разно не сварщик, но просится в слесари. Ты ведь тоже не хочешь в операторы возвращаться, и я планирую тебя бригадиром назначить. Ну, и тогда за пьянство в бригаде буду спрашивать с тебя.

– Много бездельничаем, от того и пьем, – высказал Григорий интересную мысль.

Я тоже свою озвучил:

– Окладников трудно мотивировать, а орать я не люблю – поэтому планирую выдавать задания на рабочий день. Сделал – топай домой, не успел до пяти – задержись.

– Да если бы мы работали по своему профилю, а то черте куда посылают, – обреченно сказал Тевелев.

– Все, с этим покончено. С завтрашнего дня начинаем подготовку котельной и трасс к отопительному сезону – делаем ревизию и ремонт. И задания буду планировать на день. Ты вот что, Григорий, начинай на толпу покрикивать, а я постараюсь для тебя выбить бригадирские десять процентов.

Витаминач уставился на меня несколько удивленный. Потом кивнул, соглашаясь.

Разговор с Тевелевым словно придал мне сил. Но на душе оставалось паршиво. Напряги с Беловым выбивали из колеи. Зря я его идиотом назвал. Стоило бы язык придержать.

В прежней своей производственной деятельности всегда раздражался, если встречал некомпетентность или не успевал что-то сделать. Сейчас можно было столько не волноваться. Определенные изменения, произошедшие с возрастом, казалось, делали меня неуязвимым для человеческой глупости и выхолостили суетливость – иначе бы не пошел «в люди». Полвека просуществовав на Земле, постиг, что прошедшего времени не бывает. Точно так же, как не существует будущего. Таким образом, не может быть ни потерянного времени, ни сэкономленного. Единственно важное – то, что ты сделал.

Раньше, в моем инженерном прошлом, такой философии не наблюдалось – я все время куда-то спешил. Теперь мое кредо изменилось. Жизнь – это игра случая, вечный поток заманчивых предложений, из которых можно выбрать то, что более по душе. Все работают за оклад и воруют. Я не ворую, но организую новые темы, дающие дополнительные доходы – хотя их можно назвать «подпольными». Так было в Восточной котельной. На новый уровень этого бизнеса мне хочется выйти на новом поприще. Обстановку уже знаю. Осталось сделать самое важное – определить, чем заниматься.

Но пока оттягивал принятие решения. В мечтах не оставляло пьянящее ощущение полноты жизни. В мечтах я был властелином всех и вся. Мне блазило – дайте срок, и каждый здесь будет работать на меня. Но на практике что-то сковывало. До последнего момента...

Теперь все стало легко. Или почти все. Замышляева и Белов, похоже, сцепились в смертельной схватке за власть. Никто из этих двух идиотов не понимает, что выгода не в чине и воровстве, а в разумном подходе к любой ситуации и возможностях дополнительно заработать, которые предоставляет муниципальное предприятие. Самое время мне начинать собственные темы на базе комхоза. Думаю, везение меня не оставит, стоит только вырваться из порочного круга недовольства сложившимся положением и немного напрячь мозги.

Ильич был не прав: самое важное искусство – это не кино, а умение владеть собой.

Возможно, Расулов что-то пообещал Белову по поводу карьеры директора, и Владимир Михайлович был в самом прекрасном расположении духа, когда я явился в наш с ним общий кабинет.

– Что с Элеватором? – как ни в чем не бывало, спрашивает меня главный инженер.

– А ничего. У меня приказ директора – начать подготовку котельной и теплотрасс к отопительному сезону. Народ я уже озадачил ревизией. Сам хочу свозить газовый счетчик на поверку в Тюмень. Кстати, могу воспользоваться для этой цели комхозовским «бобиком»?

Не закончив общения с Беловым, набрал номер МУП «Теплосервис». Мне нужен был Кузаков – бывший начальник Центральной котельной, перебравшийся к пенсии на казенные харчи.

Белов:

– Какая поверка? Какой счетчик? Ты не мудри, а толком скажи.

Я в телефонную трубку:

– Привет, Виктор Павлович, как дела? Газовые счетчики проверяют все там же? А где? Продиктуй адрес и телефон, если знаешь. Так... записал. И почему? Ну, вообще-то ерунда... Спасибо, дорогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.